

В английском языке наиболее продуктивными суффиксами являются *-or, -ist, -er, -ese, -ian, -ant, -ent*. Общий характер динамики аффиксального словообразования русским, казахским и английским языкам не препятствует возникновению различий, представление которых ограничено рамками рассмотренных в работе явлений. К ним можно отнести основную единицу словообразования, формально-семантические отношения в словообразовательной паре, словообразовательное значение и словообразовательный формант, а также словообразовательную мотивацию. Эта модель сопоставительного словообразования

ориентирована на языковую личность, активно познающую язык, что находит отражение в самом знании о языке в виде позиции носителя языка. Антропоцентризм как отношение языка к его носителю вносит в системную организацию языковых элементов много параметров. Одни из них обуславливают расхождение языков, другие определяют их общность. Таким образом, сопоставительный анализ аффиксов русского, казахского и английского языков, позволяет сделать вывод об универсальной природе аффиксов, с одной стороны и национально-культурной содержании их, с другой.

Библиографический список

1. Фердинанд де Соссюр. *Труды по языкознанию*. Москва: «Прогресс», 1977.
2. Available at: <http://transeurope.ru/bez-rubriki/kazahskiy-yazyik.html>
3. Сухарев В.А. *Мы говорим на разных языках*. Москва, 1998.
4. Жанузаков Т.Д. *Основные проблемы ономастики казахского языка*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Алма-Ата, 1976.
5. *Эволюция общетюркских аффиксов в казахском языке*. Москва: Издательский дом РАЕ, 2013.

References

1. Ferdinand de Sossyur. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moskva: «Progress», 1977.
2. Available at: <http://transeurope.ru/bez-rubriki/kazahskiy-yazyik.html>
3. Suharev V.A. *My govorim na raznykh yazykakh*. Moskva, 1998.
4. Zhanuzakov T.D. *Osnovnye problemy onomastiki kazahskogo yazyka*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Alma-Ata, 1976.
5. *Evoluciya obschetyurkskikh affiksov v kazahskom yazyke*. Moskva: Izdatel'skij dom RAE, 2013.

Статья поступила в редакцию 05.01.15

УДК 001.891+81-13

Trofimova E.B., Doctor of Sciences (**Philology**), Professor, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russia), E-mail: eltrofimova@mail.ru

Trofimova U.M., Cand. of Sciences (**Philology**), senior teacher, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russia), E-mail: umt2005@rambler.ru

THE PROJECT OF THE DICTIONARY OF CROSS-LANGUAGE FIGURATIVENESS OR TO THE QUESTION OF FIGURATIVE PRIMITIVES. The article discusses a possibility of creating a dictionary of cross-languages figurativeness on the material of the phraseology of the differently-structured languages. The notion of cross-languages figurativeness is introduced by E.B. Trofimova (2006) to explain the psycholinguistic phenomenon of the success of interpreting the meaning of foreign idioms in the absence of their full equivalent in the native language of the subject. It is a structure of a high level of abstractness that ensures the cognitive correlation of phraseological units of different languages, despite the mismatch of their lexical composition and phraseological images. In the proposed project of the dictionary, phraseological units are systematized on the basis of descriptions of cross-languages figurativeness, phraseological meanings and phraseological images. Cross-languages figurative images can be correlated with image primitives, distinguished by analogy with semantic primitives.

Key words: phraseological units, cross-languages figurativeness, phraseological image, psycholinguistic experiment, phraseological equivalent, image primitives.

Е.Б. Трофимова, д-р филол. наук, проф. Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: eltrofimova@mail.ru

У.М. Трофимова, канд. филол. наук, доц., научный сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: umt2005@rambler.ru

ПРОЕКТ «СЛОВАРЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ», ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНЫХ ПРИМИТИВАХ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Министерства образования, науки, культуры и спорта Монголии, проект 15-24-03001 «Стратегии опознавания иноязычных фразеологизмов носителями монгольского и русского языков».

В статье обсуждается возможность создания словаря межъязыковой образности на материале фразеологии разнотурных языков. Понятие *межъязыковой образности* было введено Е.Б. Трофимовой (2006) для объяснения психолингвистического феномена успешности интерпретации значения иноязычного фразеологизма при отсутствии его полного эквивалента в языке испытуемого. Это структура высокого уровня абстрактности, обеспечивающая когнитивную соотнесенность фразеологических единиц различных языков, несмотря на несовпадение их лексического состава и фразеологических образов.

В предлагаемом проекте словаря фразеологические единицы систематизируются на основе описаний межъязыковых образов, фразеологических значений и фразеологических образов. Межъязыковые образы могут быть соотнесены с образными примитивами, выделяемыми по аналогии с семантическими примитивами.

Ключевые слова: фразеологизм, межъязыковая образность, фразеологический образ, психолингвистический эксперимент, фразеологическая эквивалентность, образные примитивы.

Это исследование возникло как побочный результат многолетней работы по анализу стратегий восприятия фразеологических единиц, представленных иноязычным реципиентам-монолингвам в пословном переводе. Мы уже неоднократно обсуждали, какие причины побудили нас обратиться к данному

типу эксперимента (например, [1]). Прежде всего, это попытка деавтоматизации идиомы с целью акцентировать её образную составляющую, тем самым инициируя творческую деятельность индивида по интерпретации фразеологического образа. Результаты экспериментов показали, что, независимо от языка (в экс-

периментах использовался материал как английского языка, так и монгольского, китайского, корейского), существует устойчивый список стратегий, используемых носителями языка в условиях решения данной когнитивной задачи. Причем, если отвлечься от частных, эти стратегии могут быть систематизированы в двух бинарных оппозициях: *целостная / расчлененная* и *буквальная / метафорическая* переработка, представленных во всех 4 возможных комбинациях (целостная-буквальная, целостная-метафорическая и т. д.)

Очевидно, что способы интерпретации иноязычных идиом базируются на особенностях когнитивной организации фразеологической системы родного языка. Вопрос о том, в каком виде хранятся фразеологизмы в ментальном лексиконе – целостно-идиоматическом или расчлененно-лексемном – обсуждается в мировой науке с 70-х годов и остается актуальным и в наши дни, в частности в связи с расширением инструментальных возможностей психолингвистики (см., например, обзор в [2]). Тем не менее, на протяжении полувека в этой дискуссии наблюдается тенденция к упрощению разнородного и неоднозначного фразеологического материала, в котором различным образом «сплавляются» узуализация, идиоматизация и семантическая трансформация.

Ниже мы будем говорить только об идиомах, имеющих наглядное представление, семантика которых формируется метафорическим переносом. В данном контексте представляет интерес подход Р. Гиббса (1989, 1990, 1993), последовательно обосновывающего лексемно-концептуальный способ переработки идиом [3]. Разложимость идиом обуславливается ассоциативным потенциалом отдельной лексемы. Например, значение *pop the question* 'делать предложение' разложимо на компоненты в силу того, что *question* 'вопрос' имеет устойчивые ассоциации с брачным предложением, а *pop* – с актом произнесения [3, с. 422]. Современные экспериментальные исследования также показывают, что скорость и характер обработки идиом зависит от того, «насколько знакомой, привычной для носителя является метафора на концептуальном уровне» [2, с. 92]. Ценность концепции Гиббса заключается в том, что в ней ставится вопрос о семантических истоках идиоматизации словосочетания (Р. Гиббс эти истоки видит в концептуальном потенциале лексем). Вместе с тем, очевидно, что это только один из многих объяснительных механизмов. В нашей работе мы рассматриваем другой механизм, а именно межъязыковую образность.

В 2004 году Е.С. Грянкина, под руководством Е.Б. Трофимовой, провела экспериментальное исследование процессов восприятия русскими монолингвами английских образных выражений, данных в пословном переводе [4]. В ходе работы было установлено, что русские информанты при интерпретации английской идиомы интуитивно опираются на некоторый смутный образ, имеющий отвлеченный характер. Этот образ формируется в пределах определенного структурно-семантического соответствия идиоме родного языка. Например, было хорошо опознано выражение *англ. plough the sand* (букв. 'пахать песок'), не имеющее эквивалентного образа в русском языке, но легко интерпретируемое как *носить воду решетом*, в силу совпадения основной идеи «непродуктивного действия». Иначе говоря, образы, совпадающие по структуре и общей выражаемой идее, воспринимаются как сходные даже в условиях несовпадения наглядных представлений и отдельных лексических компонентов. Для описания этого феномена Е.Б. Трофимовой был предложен термин *межъязыковая образность*, под которым понималась образная структура, возникающая у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц сложной структуры [5, с. 302]. Это единица более высокого уровня абстракции, чем фразеологический образ, позволяющая установить ассоциативную связь между различными образами на основе инвариантной образной структуры. Сравним, например, фразеологизмы: кит. 小題大做 букв. 'раздувать из мелочи целую историю' – русск. *делать из мухи слона*; кит. 非驴非马 букв. 'ни осел ни лошадь' – монг. *өөх ч биш, булчирхай ч биш* букв. 'ни жир ни железа' – русск. *ни рыба ни мясо*; кит. 对牛弹琴 букв. 'играть на люте перед быком' – русск. *метать бисер перед свиньями* и т.д. Во всех случаях наблюдается не только структурное соответствие, тематическая соотнесенность лексических компонентов, но и совпадение некоторой общей идеи, в этой структуре закреплённой.

Идеи межъязыковой образности были поддержаны Н.Ф. Алефиренко, Е.А. Юриной. Так, Н.Ф. Алефиренко отмечает «транслируемость фразеологической образности в межъязыковом пространстве» [6, с. 52] и «соотносительность ментального моделирования в сознании носителей разных языков при восприятии когнитивно-дискурсивного контура соотносимых фразем» [там же, с. 53]. Е.А. Юрина описывает межъязыковую образность как метаязыковую и метатекстовую категорию, значимую для установления эквивалентности текстов первоисточника и перевода. Исследователь отмечает, что типовые образные представления национальной культуры, транслируемые семантикой образных лексических и фразеологических единиц, базируются на когнитивных метафорических и метонимических моделях, свойственных человеческому мышлению и носящих во многом универсальный характер [7].

Таким образом, мы видим, что образная составляющая идиомы способна кодироваться в метафорических проекциях двух типов: словной, лексической (концептуальная метафора Р. Гиббса) и сверхсловной, структурной (межъязыковая образность) – имеющих универсальный характер. Носители языка тяготеют к одному из способов при восприятии идиомы, обусловленному степенью разложимости фразеологизма на компоненты. Метафорический потенциал компонентов выражения *pop the question* обеспечивает его разложимость, в то время как *kick the bucket* 'пнуть ведро' 'умереть' по этому же критерию оказывают не разложимыми [2, с. 92]. В ситуации с экспериментами на родном языке значительную роль при восприятии идиом играют частотность компонентов и самой идиомы, а также наличие структурных аномалий. Использование иноязычных выражений в пословном переводе нейтрализует эти факторы, ставит испытуемого в ситуацию именно метафорической неопределенности. Сбои различного рода, возникающие при восприятии иноязычных идиом, обуславливаются несогласованностью выбора целостной или лексемной метафорической стратегии и «подстраиванием» их друг под друга.

Например, идея «близости отношений» реализуется образным инвариантом «*невозможности рассоединения (целого) чем-то*»: монг. *зүүний үзүүр орохгүй* 'кончик иголки не войдет' – русск. *водой не разольёшь*¹. При интерпретации монгольского фразеологизма русские испытуемые совместили синтаксическую целостность и семантическую расчлененность, что привело к погрешностям при распознавании. Так, данное выражение понимается на основе русского выражения *комар носа не подточит*, совпадающего по синтаксической структуре и идее «острой формы» (*игла – нос комара*). Иначе говоря, субъективно межъязыковая образность может выстраиваться на основе обобщенного образа, выстроенного с опорой на ассоциативные связи отдельных слов.

Принято считать, что метафора является оптимальным источником исследования «аналоговых процессов человеческого мышления» [8, с. 79]. Однако, как показывает наш материал, отнюдь не самодостаточным. Так, при сопоставлении фразеологизмов кит. языка 沧海一粟 'проясное зернышко в море' – корейск. 'булава на дне океана' и русск. *игла в стоге сена* – несложно увидеть, что разные лексические составы в разных языках представляют одну идею, которую можно обозначить как невозможность, сложность выполнения, и выразить представимым образом «*сравнительно малого*» в «*сравнительно огромном*» (*искать*), наглядно детализированного различным способом в разных языках. Однако данный образный инвариант может находить прямо противоположные коннотации в разных языках – от «бессмысленности усилий» до «большой удачи, редкой находки», как, например, в монгольском *усан дотроос шүр олохтай адил* (букв. 'как найти жемчужину в воде'). Такая же неоднозначность обнаруживается в ходе интерпретации монгольского фразеологизма: *зүүний үзүүр дээр будаа тогтох шиг* 'как ставить рис на кончике иглы', который приобретает в глазах русских испытуемых семантику невыполнимого и поэтому бессмысленного дела. В монгольском языке это выражение в своей основе имеет сакральный смысл: по словам монгольского эксперта, «*это так же невероятно трудно, как зачать ребенка (то есть соединить мать, отца и ребенка, предназначенных друг другу)*». Еще одно монгольское выражение *тэжээсн бяруу тэрэг эвдэх* 'вскормленный теленок тележку разрушит' большей

¹ Заметим, что семантически сходные, но не идентичные образы встречаются в стихотворении М.И. Цветаевой «Расстояния, версты, мили...» – расселили как орлов-заговорщиков, разбили как колоду карт – в позиции объекта репрезентированное целое, а не орудие.

частью испытуемых интерпретировалась национально маркированным образом: эдакого богатыря, который приобрел силу и теперь ему все по плечу. Однако фразеологического аналога этому образу не нашлось, поэтому пословица *сила есть – ума не надо*, осмысленная в пределах данного образа, приобретает положительные коннотации (*раз сила есть, зачем же ум? – ср. с современной мультипликационной интерпретацией Алеши Поповича*)².

Данные психолингвистического эксперимента демонстрируют широкий спектр примеров субъективной эквивалентности: например, монгольский стимул *одрийн од шиэ* 'как звезда днем' вызывает у русскоязычных носителей реакции *как сани летом, как в бане лыжи* (сравните, выражения *как гром среди ясного неба, как корове седло* демонстрируют другую образность и в первом случае совпадают по синтаксической структуре, а во втором – по значению, но не по межъязыковой образности). Нужно заметить, что в данном случае такие «аналоги» дестабилизируют восприятие, поскольку в монгольском языке выражение имеет значение чего-то редкого и важного, а семантика ненужности, доминирующая в русских реакциях, здесь отсутствует вовсе. Монгольское выражение *дээсэн дөрвөн дээр санжиганах* 'висеть на веревочном стремени' достаточно легко вызывает аналог *висеть на волоске* (как раз в силу совпадения межъязыковой образности, но здесь частично и лексического состава), однако предлагают и другое фразеологическое соответствие – *ходить по краю пропасти*, которое вызывает сходные ассоциации. Приведенные примеры доказывают сложность процесса соотнесения значений фразеологических единиц различных языков и необходимость детального описания прагматических аспектов фразеологического значения. В то же время эксперименты показали актуальность обеих стратегий восприятия образных выражений – как с опорой на лексические компоненты и их концептуальный потенциал, так и на образное представление словосочетания. Если концептуальные модели, начиная с пионерской работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), подвергались тщательному анализу и достаточно подробно описаны к настоящему времени в терминах моделей и кодов, то образные структуры типизации не подвергались.

Так возникла идея формирования пространства универсальных метафорических смыслов и образов, описываемых термином *межъязыковая образность*, в специальном Словаре межъязыковой образности. В основе Словаря лежит гипотеза о предельности набора межъязыковых абстрактных образных конструкций и вариативности их лексического воплощения и объема значения. Такая вариативность порождается возможностями метонимического и метафорического осмысления ситуации, различной маркированностью тех или иных образов. Так, монгольское выражение *измерять улицу метром* может быть проинтерпретировано в пределах обобщенного образа непродуктивности действия с выводным значением глупости (*носить воду решетом*), однако в монгольском языке осуществляется метонимический перенос (*прохлаждаться*) с выводным значением «лениться, бить баклуши».

Одна из главных проблем такого словаря – это толкование абстрактного межъязыкового образа. В силу несубстанциональности ключевых единиц Словарь межъязыковой образности ставит нетривиальную для лексикографии проблему: формулирование образного смысла, что является в той же степени сложным (см. об этом [9]), как, например, формулирование значения широкозначных слов. Поэтому любое толкование носит условный характер. Фразеологические единицы описываются в системе: **актуальные фразеологические значения → межъязыковая образность → фразеологический образ (фразеологизм) → контексты (варианты значений).**

Например, **актуальное фразеологическое значение** «бессмысленность, безрезультатность усилий» находит отражение в нескольких моделях **межъязыковой образности**: 1. **демонстрировать произведения искусства неспособному воспринять** (кит. 对牛弹琴 букв. 'играть на люте перед быком' – русск. *метать бисер перед свиньями*); 2. **осуществлять продуктивное действие при помощи не предназначенного для этого инструмента** (русс. *носить воду решетом* – монг. букв. 'измерять метром улицу' – турецк. *igneyile kuyu kazar* букв. 'что иголкой колодец копать' (пример из [7]) – англ. *plough the sand* букв. 'пахать песок'; 3. **искать «сравнительно малое» в «сравнительно огромном»** (沧海一粟 букв. (искать) 'просяное зернышко в море' – русск. *искать иголку в стоге сена*).

На первый взгляд, аналогичный по структуре монгольский фразеологизм *усан дотроос шүр олхтай адил* (букв. 'как найти жемчужину в воде') должен входить в этот же ряд (3). Однако в силу отсутствия противопоставления малого и большого размера, а также совершенного вида глагола, межъязыковая образность в этом случае иная – **«добыть нечто уникальное путем невероятных усилий»**. Меняется и актуальное значение – «большая удача», что соотносит монгольский фразеологизм с русской идиомой *достать звезду с неба*. Вместе с тем, связь межъязыковой образности **«добыть нечто уникальное путем невероятных усилий» и искать «сравнительно малое» в «сравнительно огромном»** осуществляется через общий компонент **«невероятных усилий»** и является гораздо более регулярной, чем можно подумать. В русских контекстах невероятные усилия оцениваются по результативности и значимости результата. Поэтому в некоторых контекстах Национального корпуса русского языка *достать звезду с неба* приобретает дополнительные коннотации «неосуществимости»: *Легко сказать: достать звезду с неба, а как ее достанешь?* [Л.А. Чарская. Чудесная звездочка (1912)]; *Юля уверяла меня, что я с таким же успехом могла бы просить, чтобы мне выслали звезду с неба* [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: часть 2 (1975 – 1977)]. Дальнейшее изучение этого вопроса показывает, что вариативность прагматических характеристик при совпадающей образности обусловлена различными аксиологическими константами. В частности, если говорить о монголах и русских, то в русском сознании устойчиво выделяется потребность в осмысленности деятельности или события, что придает отрицательные коннотации многим монгольским фразеологизмам (*как ставить рис на кончике иглы, как звезда днем* и т. д.). Семантическое расширение осуществляется с различными коннотациями: в русск. трудность, редкость → большие усилия → бессмысленность; в монг. трудность, редкость → большие усилия → большая удача.

Опора на экспериментальные исследования при формировании корпуса межъязыковых образных единиц обусловлена ментальным характером феномена межъязыковой образности. Семантическая вариативность по языкам в пределах одного образного инварианта позволяет выделить значимые для когнитивного описания идиоматики характеристики (неоднозначность, динамика расширения значения, аксиологические константы, концептуальный потенциал компонентов и т. д.). В теоретическом плане Словарь межъязыковой образности решает проблемы универсалистики, поскольку ставит вопрос о существовании образных примитивов как метаязыковой категории высокой степени абстрактности и соотнесения их с другими универсальными единицами и структурами. Различного рода семантическая и прагматическая вариативность у единиц с совпадающей межъязыковой образностью позволяет судить о принципах «аналогового мышления» у представителей различных языков и культур. В прикладном плане ценность Словаря заключается в установлении зон фразеологической интерференции.

Библиографический список

1. Трофимова Е.Б., Трофимова У.М., Власов М.С., Одончимэг Т. Монгольская фразеология в зеркале межъязыковой образности. *Central Asian Journal of Basic and Applied Researches*. 2015; 4: 4 – 18.
2. Слюсарь Н.А., Петрова Т.Е., Михайловская Е.В., Череповская Н.В., Прокопья В.К., Чернова Д.А., Черниговская Т.В. Экспериментальное исследование ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением. *Вопросы языкознания*. 2017; 3: 83 – 98.
3. Gibbs R. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive Linguistics*. 1990; 1(4): 417 – 452.

² Эти примеры показывают немалую роль национально маркированных аксиологических констант в процессах восприятия идиом, актуализирующих «ненормативную» межъязыковую образность, что, на наш взгляд, служит дополнительным доказательством ее реальности. Не сложно увидеть за лексической компонентой, межъязыковой образностью и аксиологической константой три составляющих языкового знака (семантика, синтактика, прагматика), каждая из которых может стать доминирующей в процессе восприятия иноязычного идиоматического выражения.

- Грянкина Е.С. *Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка: на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Барнаул, 2004.
- Трофимова Е.Б. Образность в межкультурном пространстве. *Речевая деятельность. Языковое сознание. Общественные личности: Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*, Калуга: «Эйдос», 2006: 302.
- Алефиренко Н.Ф. *Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического пост-модернизма*. Белгород: Издательство БелГУ, 2008.
- Юрина Е.А., Боровкова А.В., Шенкал Г. Межкультурная образность в речевой деятельности переводчика (на материале русского перевода турецкого романа О. Памука «Чёрная книга»). *Язык и культура*. 2015; 1 (29): 61 – 71.
- Елова Ф.А., Перехвальская Е.В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор). *Вопросы языкознания*. 2014; 1: 78 – 99.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии. *Вопросы языкознания*. 2009; 6: 21 – 34.

References

- Trofimova E.B., Trofimova U.M., Vlasov M.S., Odonchimeg T. Mongol'skaya frazeologiya v zerkale mezh'yazykovoy obraznosti. *Central Asian Journal of Basic and Applied Researches*. 2015; 4: 4 – 18.
- Slyusar' N.A., Petrova T.E., Mihajlovskaya E.V., Cherepovskaya N.V., Prokopenya V.K., Chernova D.A., Chernigovskaya T.V. 'Eksperimental'noe issledovanie mental'nogo leksikona: slovosochetaniya s bukvallym i nebukvallym znacheniem. *Voprosy yazykoznanija*. 2017; 3: 83 – 98.
- Gibbs R. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. *Cognitive Linguistics*. 1990; 1(4): 417 – 452.
- Gryankina E.S. *Semantika frazeologizmov v soznanii nositelej russkogo yazyka: na materiale russkikh i anglijskikh frazeologizmov v bukvallym perevode*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Barnaul, 2004.
- Trofimova E.B. *Obraznost' v mezh'yazykovom prostranstve. Rachevaya deyatel'nost'. Yazykovoe soznanie. Obschayuschiesya lichnosti: Tezisy dokladov XV Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiolingvistike i teorii kommunikacii*, Kaluga: «Ejdos», 2006: 302.
- Alefirenko N.F. *Frazeologiya i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo post-modernizma*. Belgorod: Izdatel'stvo BelGU, 2008.
- Yurina E.A., Borovkova A.V., Shenkal G. *Mezh'yazykovaya obraznost' v rechevoy deyatel'nosti perevodchika (na materiale russkogo perevoda turetskogo romana O. Pamuka «Chernaya kniga»)*. *Yazyk i kul'tura*. 2015; 1 (29): 61 – 71.
- Elova F.A., Perehval'skaya E.V., Sausverde E. *Metafora i evristicheskaya funkciya yazyka (byvaet li yazyk bez metafor)*. *Voprosy yazykoznanija*. 2014; 1: 78 – 99.
- Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. *Principy semanticheskogo opisaniya frazeologii*. *Voprosy yazykoznanija*. 2009; 6: 21 – 34.

Статья поступила в редакцию 26.09.18

УДК 811.352.3

Tuguz G.T., Cand. of Sciences (Philology), leading researcher, Department of the ARIGI language n.a. T.M. Karashyov (Maikop, Russia), E-mail: tuguz.71@mail.ru

THE SEMANTIC SPACE OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT ЛЪАКЪО 'FOOT' IN THE ADYGHE LANGUAGE. The article discusses phraseological units of the Adyghe language with a somatic component of ЛЪАКЪО 'foot' that have a meaning of a human's condition. The article analyzes the somatism ЛЪАКЪО 'foot' in the context of its use in the Adyghe phraseological units and reveals their full equivalents in the Russian language. Scientific interest lies in the analysis of some features of the lexeme ЛЪАКЪО 'foot' in the composition of phraseological units denoting the physical, physiological, psychological state of a person and his external manifestation. Semantic and translation of analysis is used to achieve the objective. The results of the study deepen the understanding of phraseological units in the Adyghe language. The practical significance of the study lies in the possibility of using the results in lecture courses in the Adyghe language, compiling textbooks and phraseological dictionaries.

Key words: Adyghe language, idioms, somatic component, emotional-expressive expression, analysis.

Г.Т. Тугуз, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языка АРИГИ им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, E-mail: tuguz.71@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЛЪАКЪО «НОГА» В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы адыгейского языка с соматическим компонентом лъакъо «нога», выражающих состояние человека. В статье подвергается анализу компонент – соматизм лъакъо «нога» в контексте его употребления в адыгских фразеологических единицах и выявлены их полные эквиваленты в русском языке. Научный интерес заключается в анализе некоторых особенностей функционирования лексемы-соматизма лъакъо «нога» в составе фразеологических единиц, обозначающих физическое, физиологическое, психологическое состояние человека и его внешнее проявление. Для достижения цели использован семантический и переводческий анализ. Результаты исследования углубляют представления о фразеологических единицах в адыгейском языке. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в лекционных курсах по адыгейскому языку, составлении учебников и фразеологических словарей.

Ключевые слова: адыгейский язык, фразеологизмы, соматический компонент, эмоционально-экспрессивные выражения, анализ.

Фразеология относится к наиболее сложным и важным экспрессивным средствам языка, которые отражают историю народа, культуру и быт, выражают мудрость народа.

Нет языка без фразеологизмов. Только в одном языке их меньше, в другом больше. Овладение любым языком невозможно без знания фразеологизмов. Фразеологизмы, как и слова, выполняют важные функции, являясь обозначением явлений, фактов, процессов, а также эмоционально-экспрессивной оценкой этих явлений.

В последние десятилетия во всем многообразии лингвистических исследований различных языковых уровней появилось много работ, посвященных фразеологии разных языков. Это определяется недостаточной разработанностью фразеологии в новописанных языках.

Теоретико-методологическую базу исследования в области фразеологии составили труды языковедов: Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельского, Г.И. Берестнева, В.В. Виноградова, В.П. Жукова, А.В. Кунина, В.И. Телия, Ю.А. Тхаркахо, З.Х. Бижевой, Б.Ч. Бижоева, А.Г. Емузова, Б.М. Карданова, М.М. Магомедханова, М.Ч. Кремшохаловой, С.У. Пазова и других учёных.

Функционирование фразеологизмов в том или ином языке свидетельствует о богатстве языка. Адыгейский язык, как и другие языки, богат фразеологизмами. Для создания образности и эмоциональности служит фразеология адыгейского языка.

Мы поддерживаем мнение А.И. Федорова, который отмечает, что «Формирование фразеологизма происходит в языке не столько для того, чтобы дать название существующему понятию или предмету, сколько для того, чтобы охарактеризовать назван-